

— Да что ж это такое? — сую ключ в замочную скважину «вверх ногами».

Какой-то день сегодня, всё сикось-накось. Утром не заметила, что проездной просрочен, в обед крышка на солонке открылась и в суп плюхнулась. А полчаса назад, ко всему прочему, мой, как это теперь модно говорить: «Бой-френд», сказал, что между нами всё кончено.

— Марина, нам надо расстаться.

Старый семейный маразматик. Как его только жена терпит? Член маленький, вяленький, а всё туда же. Видите ли, ему не нравятся жирные коровы. Ну, то, что я корова, может и соглашусь с большой натяжкой, вымя у меня действительно большое, а вот то что я жирная – это уже перебор! Жирная не попала бы ему пинком по яйцам, ногу бы задрать так высоко не смогла. Ну, наела за зиму чуть лишнего, с кем не бывает? Вот придёт лето и похудею до своего обычного слегка упитанного состояния.

Захожу в узкую прихожую и мой лоб встречается с открытой дверью совмещённого санузла.

– Лерка, блин, сколько раз говорить, что б закрывала? – тихо, себе по нос сержусь на разбалованную дочь.

Последнее время стала замечать, что она не заходит в туалет, а просто открывает дверь и, целясь в унитаз своим членом, справляет нужду. Ну, хоть с меткостью всё в порядке, ни одной капли мимо! Если б хоть одну заметила – скандал был бы до небес!

Небось в школе ещё. Привычным жестом швыряю ключ в старенькое блюдо на небольшой тумбочке и тут же бросаю взгляд в сторону большого зеркала во весь рост. Нет, ну, что ему не нравится? В меру упитанная, симпатичная женщина в полном расцвете сил. Вытаскиваю заколку из волос и пышная причёска рассыпается волнистыми локонами чуть ниже полуприкрытых плеч. Надо к парикмахерше сходить. Всю зиму не ходила, не до неё было. То снег выпадет, то слякоть раскиснет, а мне убирать. Вот аванс получу и наведу порядок на голове. Нет, лучше дочку попрошу, чтобы подравняла, а то коммуналку платить нечем будет.

Милая мордашка без единой морщинки смотрела на меня из отражения. Длинные ресницы на мгновение закрывали большие глаза и вновь вспыхивали голубыми огнями, стреляя невидимыми стрелами Амура. Забыв про все сегодняшние невзгоды, я улыбнулась, и пухлые губы-бантики отразились взаимностью. Брови удивлённо приподнялись домиком, а на румяных щёчках образовались две симпатичные ямочки. Кивнула головой, приподняв подбородок, приветствуя саму себя. Даже намёка нет, что скоро второй вырастет. Шея оголилась и две тонкие складочки выдали толщину подкожного жира: всё просто замечательно, в пределах нормы.

Вздохнула. Грудь, как две спелые дыньки, приподняли глубокую ложбинку и опустили на место. Упругая, ни капли не обвислая пятёрочка, вздуваясь вылезла из декольте покрасоваться, и на выдохе снова улеглась на своё лежбище. Лифчик нужно купить, на старом застёжка сломалась, с ним вообще почти горизонтально стоят. Удобная подставка для сумочки, когда проездной или кошелек ищут. Я покачала плечами и мои малышки приятно заколыхались, весело толкая друг дружку.

Живот, конечно, великоват, но зато талия, как у изящного кувшина, подчёркивает мою женственность. Попа. Ну и что, что шире плеч? У настоящей рожавшей женщины так и должно быть. Зато без обширного целлюлита и при ходьбе булки волнуются, соревнуясь, кто выше поднимется и дальше оттопырится. Все мужики оборачиваются, слюной давятся, а ему жирная. Залезет на меня, подрожит, покрехтит, кончит капелькой спермы и сразу домой

засобирается. Боится, что жёнушка заподозрит. Даже не чувствую, как его огрызок стреляет. Фу, только испачкает и из-за этой мелочи приходится идти подмываться.

Мне скоро тридцать пять, а я всё как девочка на выданье. Ягодка. А ягодка должна быть большой, сочной и спелой. Ну что со мной не так? Поворачиваю попу покрасоваться и тут замечаю красное пятнышко сзади. Небольшое, но заметное. Ё моё. Как же не вовремя эти «трудные дни», ну хоть не беременна и то ладно. Хотя, родить ещё разок я бы не отказалась, но только не от этой «пипетки», а от нормального здорового мужика или от футанари. Вот только где же их взять? Ау,.. где же вы? Куда все попрятались? Раз, два, три, четыре, пять, заманалась вас искать.

Вот ведь напасть, в первый день, и как из ведра. Так вот почему всё наперекосяк. У меня всегда в это время мозги набекрень. Наверно извилинам вытекшей крови не хватает, вот и тормозят. Где-то прокладки оставались с прошлого раза, пойду, поищу.

— М, — слышу звук из приоткрытой двери в комнату дочери.

Голова сама поворачивается в приоткрытую щель, а глаза цепляются за... дочь в одной футболке, задранной на сиськи, и с широко раздвинутыми ногами полулежит на своей тахте. Одной рукой упирается в подушку, чтобы согнувшись видеть промежность, а другой держит свой полувялый член и толкает его в свою...

— Ты что делаешь, дурная? — несдержанно врываюсь в комнату, распахивая дверь настежь. — Забеременеть хочешь? Немедленно вытащи и никогда так не делай!

Её ярко-зелёные глаза выстрелили из-под густой чёлки чёрных, как смоль, волос. Эта бестия даже не испугалась того, что я её застукала. Рот с чётко очерченными губами приоткрылся и скороговорка выдала оправдание:

— Мам, ты чего? Даже если я захочу кончить в себя, то не смогу! Когда он встанет полностью, то просто выскочит наружу, а если удерживать, то становится больно и...

— И всё равно ты не должна этого делать, — перебила её оправдания. — Это неправильно. Ты знаешь, как это называется?

— Знаю! Селфцест! — огрызнулась дочь, но всё же засмушалась и опустила длиннющие, чуть загнутые ресницы.

И откуда она интересно знает, как этот самотрех называется? Слово-то какое страшное, буржуйское. На инцест смахивает.

— А если знаешь, зачем так делаешь? — она снова посмотрела на меня недовольным взглядом и надула пухлые губы.

— Тогда как мне его успокоить? — возмущённо-обиженная интонация меня напрягла. — Он целый день может стоять и не падать! Дома я ещё могу потерпеть или с помощью рук устроить фейерверк в ванной, а в школе как? Я же всю туалетную кабинку заливаю. Ты ведь уборщицей работаешь, должна знать сколько труда понадобится, чтобы засохшую сперму с потолка и стен оттереть. А если вычислят, что это я наделала?

Она с чавкающим звуком вытащила из себя мокрую головку и мотанула ей так, что смачный шлепок по животу стряхнул белесую капельку с конца, оставив кляксу на кубиках пресса. Она села на край кровати, опустив девичьи ноги с новым разноцветным педикюром на пол.

— И когда это он у тебя целый день стоял? Глупости не говори. Целый день. Скажешь тоже, — начинаю ворчать.

Докатились. Дочь врать начала. Никогда не замечала за ней такого.

— Мам, я не вру, — как будто слышала мои мысли Лерка. — С каждым днём он встаёт всё чаще и чаще. И ничем его не успокоить.

Она согнула указательный палец и отвесила чувствительный щелбан по наливающейся головке. Я вздрогнула и поморщилась, представив себе насколько это должно быть больно. Хм, может и правда не врёт? Хотя раньше не замечала, чтобы у неё что-то оттопыривалось в нижней части тела.

— Холодной водой пробовала?

— Пробовала. Минут на пять хватает, потом согреется и снова тоже самое.

Пока мы с ней препирались, её колбасина набухла и встала в полный рост. Дочь дотянулась салфеткой к своей промежности и, как только кисть спряталась за лобком, я заметила, что толщина её агрегата равна запястью, а кончик головки не достаёт до локтя всего несколько сантиметров. Ого, какую балду отрастила. Давненько я не видела её мужскую часть тела. С тех самых пор, как она стала мыться самостоятельно.

Где бы мне мужика найти с таким красавцем? Или футку с таким эталоном красоты. Хотя о чём я? Они давно все либо погибли, либо уехали, либо прячутся от маньяка так, что днём с огнём не найти. Я снова глянула на стояк дочери и удивилась потрясающим размерам. И это у девушки, которой ещё расти и расти. Когда же он успел у неё так «возмужать»? Надо же, такое хозяйство выросло... любой мужик обзавидуется. Хотя, что говорить, Лерка по росту меня уже почти догнала. Дылда. Вся в отца. Я уверена, через год – два, будет точная копия папани. Под два метра. Внизу живота сладко зануло от воспоминаний и сегодняшней неудовлетворённости с полуимпотентом, да и от вида дочкиного исполина бросило в жар. Я что, возбудилась на собственного ребёнка? Я же не извращенка! По крайней мере никогда за собой такого не замечала.

Отвела взгляд в сторону и увидела на стене её прошлогоднюю фотографию на пляже. Сильно же она изменилась за это время. Как и у всех футанари, у неё стало крепкое, но в тоже время очень женственное тело. Грудь выросла до третьего размера, на плоском животе появились кубики, попа округлилась, ноги стали прямые и мускулистые, хоть в балет отдавай. Вот только этот х... хвост спереди точно мешать будет и никакая пачка его не спрячет. Хорошо хоть яички где-то внутри растут, а не болтаются снаружи. Говорят, что они танцорам сильно мешают...

Снова перевела взгляд на дочь. Волосы то ли разгладила, то ли сами выпрямились и потемнели. Глаза стали такими выразительными, ярче светофора зажглись зелёным цветом. Точь в точь, как у её папани.

А вот с характером ей не повезло, вернее мне. Дерзкая, вспыльчивая. Всё воспринимает в штыки. Хотя в детстве была ласковой, жизнерадостной, любящей девочкой. Достал уже этот затянувшийся переходный период. Пора бы ему закончиться, ей давно не шестнадцать. Ещё и конфликт поколений нам обеим мешает, но мы как-то справляемся. Помогает то, что у каждой из нас своя комната в небольшой, но уютной двушке. Как их ещё называют – хрущобы. Спрятался, как в домике, остыл и можно выползать, чтобы дальше жить. Это всё хорошо, вот только надо как-то разруливать сложившуюся ситуацию.

— И как давно ты себя девственности лишила? — снова хмурю брови.

— Почти месяц назад. Когда всё началось. Всё равно замуж не выйду, зачем она мне?

Да, уж. Тут она по-своему права, хотя кто знает, как жизнь сложится? Всё равно не нужно разрешать ей вытворять такие непотребства.

— Лера, ты должна найти другой способ снимать своё напряжение, — говорю, как можно спокойнее, взяв в руки всю злость на происходящее.

— Вот я и ищу. А ты меня всё время шпыняешь. Туда не суй, руками не тронь, так нельзя. Вот возьму нож, да отрежу этот кусок никчёмного, никому не нужного мяса! — взволнованный голос, переходящий в истерику, меня сильно насторожил.

Чувствуется, что у неё сейчас нервный срыв будет. Давно такого не было. Конечно, всплески эмоций происходили, не без этого, но не такие яркие, а тут как с цепи сорвалась. Неужели я где-то палку перегнула?

— Лера, успокойся, это не выход из положения.

— Знаю! Зато не убьют! Хоть жива останусь. Стану обычной девушкой и всё, все проблемы исчезнут.

— Лера! — как же её унять?

— Что? Я сегодня в школе чуть не спалилась. Он внезапно встал в конце предпоследнего урока, а на перемене в другой класс нужно переходить, представляешь? — она чуть не заплакала от обиды, прикрыв лицо ладонями, скрывая намокшие глаза.

Так вот в чём причина её нервозности. Тогда понятно, почему она себя так ведёт. Но ведь это же могло выдать её происхождение!

— И что ты сделала? — я вздрогнула от испуга и перебила собственные мысли.

— Рюкзаком прикрыла и кое-как до туалета доковыляла. Закрылась в кабинке и минут десять ждала, пока все уйдут. Пришлось руками его успокаивать. Залила весь потолок и сама обрызгалась. Пока приводила себя в порядок — опоздала на географию, ещё и двойку за это влепили!

Она смахнула слезу ноготком, шмыгнула носом, но очень старалась не показывать, что плачет. Сильная у меня девочка и морально, и физически. Всех пацанов в классе строит, а тут раскисла. Вся в папу Сашу. Он, вернее она, Александра, тоже была футанари. Высокая, стройная, сильная и в тоже время внимательная, нежная, женственная. Никому спуску не давала.

Как же мы любили друг друга! Почти с пелёнок росли вместе. В детском саду на горшках рядом сидели, соседи же. Квартиры наши на одной лестничной клетке были. Вместе росли, вместе учились. Делали домашку и сбегали с уроков. Когда поженились, нам ещё восемнадцати не было. Залетела я от неё, вот и... Родственники её давно переехали из-за маньяка. Мы тоже хотели, но у нас с финансами то пусто, то негусто.

Убили. Убили мою Сашеньку. Лерка очень переживала. Замкнулась в себе. Долго ни с кем не разговаривала. Мои губы задрожали, и я тоже чуть не заплакала. Села рядом с ней на тахту,

прижала к материнскому сердцу и, поглаживая по спине, принялась успокаивать. Говорят стресс нужно чем-нибудь заедать, надо попробовать.

— Лер, давай я сейчас сготовлю чего-нибудь вкусненькое? Мы с тобой покушаем, а потом спокойно поговорим. Подумаем, как выйти из этой ситуации... — не дождавшись ответа, я опустила голову и, пряча намокшие глаза, вышла из комнаты.

В городе давно орудует маньяк, искореняет всех двуполых. Многие футанари уже давно просто сбежали, продав своё жильё за бесценок. Мысль о том, что моего ребёнка тоже могут убить, задела меня за живое.

Ужé почти пять лет прошло, как пропала моя любимая, а такое ощущение, будто она вчера ушла на работу и просто там задерживается. А я всё жду и жду.

Спряталась за ширму неведения. Мне так легче переживать. Так я не думаю о плохом, не плачу по ночам в подушку, почти спокойно сплю, воспитываю нашу дочь, работаю уборщицей, а вечерами жду. Жду, когда откроется дверь, моя любимая возьмёт меня на руки, отнесёт в спальню и часа три будет крутить на нашей просторной кровати во всех известных позах. А потом я выйду с огромным животом, переполненным её семенем, и буду в ванной выдавливать сладкий кисель из всех дырочек.

Но это только мечты и воспоминания. Скоро будет десять лет, как орудует маньяк. Он вылавливает футанари и жестоко с ними расправляется. Иногда даже трупы не находят. Ходит легенда, что это один дембель, вернувшийся из армии, напился до поросычьего визга и полез к какой-то красивой незнакомой девушке. Этой симпатяшкой оказалась «голодная» футка, у которой давно не было секса, ну и так получилось, что не он её, а она его «оприходовала». Надула его живот своей спермой до безобразия у всех его друзей навиду. Кто-то из них, ради прикола, снял весь процесс на телефон и, показывая ему, поржал от души, за что и поплатился потом. От этого унижения у него кукушку снесло напрочь, и вот уже почти десять лет он жестоко вырезает футанари, трансвеститов и даже несколько гермафродитов пали от рук этого свихнувшегося. Как он их вычисляет никому неизвестно, наверняка в поликлинике работает или ещё где. Ну не отслеживает же?

Теперь я опасаюсь за жизнь моей дочери. В школе я каждый год пишу отказ от всех медосмотров, ссылаясь на платную клинику, хотя от недостатка средств, давно туда не ходила и не водила Валерию. Мало ли что. Просочится информация, что она не простой человек, и всё. Никто защищать не будет. Я почему-то уверена, что полиция просто закрывает глаза на этого маньяка. То ли завидуют, что у футок члены почти до колен, то ли тоже кто-то из них «пострадал». В общем, никто этого убийцу не ловит, и уголовные дела закрывают так же быстро, как открывают. Иногда вообще... нет тела – нет дела. Может, этот маньячина там и работает?

Как же мне уберечь своего ребёнка от беды? А тут ещё это происшествие в школе. Ох, как всё некстати. Видимо у неё начался период повышенной возбудимости. Это у всех старшеклассников бывает. По Сашеньке знаю. Если Лерка говорит, что возбуждается на уроке, то утром перед школой ей обязательно нужно опустошать свои «склады спермозавода». Я когда-то делала так своей усопшей любимой. Три, четыре раза заставляла кончать, перед тем как идти на работу. До вечера хватало. А вот с Валерией будет сложнее. Она сейчас гиперактивна и, опустошив утром досуха свои яички, надеюсь, до конца уроков продержится. Это примерно шесть часов. Нужно попробовать.

Попробовать? Как попробовать? Она же моя дочь. Кто же будет пробовать-то? Сама она вряд ли

сможет себя «подойти», а я? Нет, я не притронусь к её члену. Я не смогу. Я не буду брать его в руки.

<http://erolate.com/book/1815/52112>